

ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В КАТЕГОРИИ ЧИСЛА

К. Г. МУРАДЯН

*Армянский государственный институт
физической культуры и спорта*

Категория числа многие десятилетия находится в центре внимания не только математиков (что представляется совершенно естественным), но и философов и лингвистов. Грамматическая категория числа лишь на первый взгляд представляется достаточно прозрачной. При более тщательном рассмотрении этой категории уже простейший анализ наиболее типичных факторов показывает, что параллелизм реальных различий в числе и соответствующих грамматических явлениях существенно нарушается. Вопрос о соотношении грамматической категории числа и понятийной категории количества до сих пор не исчерпан и представляет собой одну из важнейших проблем современной филологической науки.

Ключевые слова: категория числа, типологические особенности, грамматическая категория, семантическая категория, понятие числа в разных языках.

Категория числа многие десятилетия находится в центре внимания не только математиков (что представляется совершенно естественным), но и философов и лингвистов. Как отмечает А.А. Реформатский, «лингвисту, подходящему к числу со своего берега, надо не обольщаться тем, что ценно математику и философу, а понять число как факт языковой онтологии, как член языковой структуры и системы» [5: 67]. По мнению Г.А. Меновщикова, категории количества, времени и пространства, являясь объектом исследований математиков и философов, в то же время как понятийные категории, выражающиеся средствами языка, подлежат компетенции лингвистов – с точки зрения выявления и установления многообразных формальных средств и способов обозначения в языках этих понятийных категорий [2: 82]. «Категория количества – одна из наиболее общих абстрактных категорий мышления современного человека. Она является необходимым элементом познания, пронизывает все стороны человеческой деятельности, как практической и бытовой, так и научно-познавательной. Это универсальная логическая категория, необходимая ступень познания» [3: 10].

Как известно, язык – это своеобразное зеркало общества. Он в точности воспроизводит человеческое мышление, а число и умение мыслить числами – одно из великих и древних достижений человечества. Категория числа стоит особняком в любой науке. «Без числа немыслима не только любая наука, но и любое знание, любое отношение к жизни» [5: 67]. Число определяет не только количество вещей, меру и степень проявления тех или иных явлений, но и отражает простую связь явлений. Важно не отождествлять математическую категорию числа и грамматическую. «Подобно тому,

как категория рода – не одно и то же, что различия пола, и грамматическое число – не копия математического числа» [5: 68].

Грамматическая категория числа лишь на первый взгляд представляется весьма простой и прозрачной. При более детальном изучении этой категории уже обычный научный анализ наиболее типичных факторов выявляет, что параллелизм реальных различий в числе и соответствующих грамматических явлениях нарушается. Это говорит о том, что хотя любое имя существительное имеет хотя бы одну форму, соответствующую типу структуры единственного или множественного числа, фактически не все имена данного грамматического класса обладают категорией числа. Однако следует оговорить, что наличие одной лишь формы не всегда является признаком данной грамматической категории. Одной из основных причин этого явления многие исследователи считают сопротивление лексического материала грамматической форме, которое, в свою очередь, обусловлено разным соотношением обозначаемых объектов в реальной действительности. Причем, как отмечает Р.А. Будагов, явление это универсально, ибо «...не существует языков, в которых механизм выражения категории числа так или иначе не находился бы в зависимости от различных лексических групп, через посредство которых этот механизм действует» [Цит. по 2: 535].

Совершенно очевидно, что форма числа далеко не всегда передает присущее ей категориальное значение, то есть план выражения не всегда прямо не соответствует плану содержания. Можно утверждать, что данное явление практически универсально, что, вероятно, обусловлено весьма сложным процессом отражения в мышлении человека антропоцентрической картины мира.

Языковая категория числа далеко не тождественна в различных языках. Одно и то же количество может выражаться по-разному не только в разных языковых системах, но и внутри отдельно взятой системы, что может показаться парадоксальным.

Категорией числа, в целом, обладают практически все цивилизованные языки, однако в способах выражения данной грамматической категории языки выявляют свою индивидуальность. Это дает основание данной теме не быть исчерпанной и оставаться одной из актуальных тем современной лингвистики. Особый интерес для исследователей представляют качественные и количественные типологические особенности категории числа в сопоставлении двух и более языков.

Категория количества и, прежде всего, прерывного (дискретного) количества помимо числовых обозначений лексического характера находит свое выражение также в грамматической категории числа, которая дает возможность охарактеризовать в количественном отношении предметы и явления, упоминаемые в речи. Ее яркое проявление чаще всего ощущается в разграничении единственного и множественного числа.

«Вопрос о наличии в языках только единственного и множественного числа или же еще и двойственного (а иногда и тройственного) числа пред-

ставляет для проблемы абстракции в языке глубокий интерес. На всех этих случаях реляционность числа в грамматике и своеобразие абстракции в грамматике и языке в целом –выявляются очевидно и отчетливо» [5: 68].

В мире насчитываются языки, не имеющие грамматического числа как такового. К числу таких языков относится, например, современный китайский. Однако несмотря на отсутствие грамматической категории числа, подобные языки, тем не менее, обладают всеми средствами для передачи количественных значений. Обычно это делается посредством слов типа «один», «два», «несколько», «каждый», «много» и так далее.

Грамматическая категория числа изначально реализует первичную квантитативную актуализацию, вторичная реализуется посредством лексических единиц разных лексико-грамматических разрядов. Понятийная категория, реализуемая разноуровневыми единицами, выражает различные значения. Между лексическим и грамматическим значениями есть четкая граница. Здесь приобретают особую значимость как языковые, так и внеязыковые факторы. Лексические значения реализуют основную номинативную (назывную) функцию, конкретизируя явления и отношения объективной действительности. А грамматические значения по своей природе являются абстрактными и обобщенными. Как справедливо отмечает А.В. Бондарко, грамматическое значение, охватывающее большие классы слов, отличается регулярностью, универсальностью, а также обладает такими свойствами как обязательность, инвариантность и системная релевантность [1]. В то же время лексические значения, ограниченные небольшим числом слов, относительно произвольны, конкретны и весьма образны.

Языки, в которых есть лексические средства выражения количества, но нет грамматических средств, встречаются довольно редко. Таковыми являются, например, языки Юго-Восточной Азии (вьетнамский, лаосский и др.) и некоторые языки индейцев Северной Америки. Отметим, что языки, функционирующие без грамматической категории числа, – это явление значительно более редкое, чем языки без категории рода, падежа и определенности/неопределенности.

В большинстве цивилизованных языков мира имеются два числа – единственное и множественное. Это типологическое явление свойственно большинству индоевропейских языков, урало-алтайским, картвельским и нахско-дагестанским языкам Кавказа, а также африканским языкам банту и др.

Единственное число в большинстве языков обозначается номинативной формой имени (нулевая форма). Между тем эта же форма имени в зависимости от речевой ситуации понятийно может означать обобщенную множественность (ср. «морж лежит на льдине» и «морж во множестве появился в проливе»). Таким образом, грамматическая форма единственного числа, используемая, вроде бы, только для выделения единичности конкретного предмета, одновременно может употребляться для обозначения множества предметов, однако мыслимых как единое целое. Так, например, в ряде сибирских языков и практически во всех тюркских языках имена существи-

тельные, называющие конкретные однородные предметы, формой единственного числа обозначают как единичность конкретного предмета, выделяемого из массы однородных предметов, так и обобщенное множество таких предметов. В тунгусо-маньчжурских языках, например, форма единственного числа существительных употребляется для обозначения как одного предмета, так и группы однородных предметов. Так, например, существительное *орон* в эвенском означает «олень, олени, стадо оленей», а форма множественного числа этого слова (*орор*) употребляется лишь в редких случаях для обозначения дистрибутивного множества.

Отметим, что использование единственного числа имени для обозначения обобщенного множества широко применяется в большинстве языков мира [2: 83].

Вероятно, разделение числа на единственное и множественное является неким пережитком прошлого, когда счет редко применялся на практике, и специфических грамматических форм, означавших «один» и «много», было достаточно в большинстве практических случаев.

Интересно отметить, что для выражения грамматических значений числа могут использоваться самые разнообразные средства. Это и аффиксы (ср. англ. *book*—«книга», *books*—«книги»), и так называемая внутренняя флексия, т.е. изменение гласных внутри корня (например, в арабском *madona(t)* — «город», *mudu/* — «города» (больше двух), ср. также англ. *foot*—«нога», *feet*—«ноги»), и редупликация, т.е. удвоение корня (например, в индонезийском языке *orang* — «человек», *orang-orang* — «люди»). А, например, в венгерском языке число выражается факультативно в том случае, если значение множественности становится очевидным из данного контекста, например, в сочетании с обозначениями количества *много*, *десять* и т.п. используется форма единственного числа.

В языках, где существуют только единственное и множественное число (например, английский язык), посредством форм грамматического числа выражается лишь различие между единичным объектом и множеством объектов, причем последнее может быть самой различной мощности. К таким языкам принадлежат, в частности, германские, романские, славянские и многие другие цивилизованные языки. В них количественность оформляется морфологически, то есть как грамматическая категория числа, представляющая собой оппозицию грамматической категории единственного числа и грамматической категории множественного числа и отражающая в общем виде противопоставление «один» — «более чем один». Оговорим, что в некоторых языках наблюдается наличие двойственного числа, тройственного числа или паукального. Система, основанная на противопоставлении трех значений (единственное — двойственное — множественное), наблюдается в семитских языках, в индоевропейских (особенно в древних — в санскрите, древнегреческом, старославянском, древнерусском, готском и др.), а также в ненецком, корякском, алыторском и некоторых

других. Среди современных языков, функционирующих на основе тернарной оппозиции числа, можно отметить словенский и лужицкий.

К числу языков, имеющих двойственное число, относятся арабский, словенский, исландский и другие. Двойственное число существовало и в древнерусском языке. Этот факт легко подтверждается наличием в современном русском языке слов для обозначения парных объектов, таких как «уши», «плечи» и т. п. и при использовании некоторых слов с числительными до 4: *два дома, три дома, четыре дома, но пять домов* и т. п.

Очень редко встречается система с противопоставлением 4-х чисел (единственное - двойственное - тройственное - множественное). Она засвидетельствована в ряде папуасских языков. Еще более сложная система, включающая четверное число, имеет место, например, в языке сурсурунга (один из австронезийских языков), в котором по пяти числам противопоставлены личные местоимения: *ты-двое-вы трое-вы четверо-вы (более четырех)*. Некоторые ученые считают четверное число частным случаем паукального.

Паукальное число (лат. *raucus* – немногочисленный) – грамматическая категория существительного, прилагательного, местоимений-существительных и местоимений-прилагательных, обозначающая, что данная часть речи относится к нескольким лицам или предметам. Данную грамматическую категорию используют некоторые австронезийские (например, сурсурунга, лихир, маршалльский язык) и австралийские (например, вальбири) языки. Эта категория встречается и в полинезийских, дагестанских и ряде других языков.

Хотя в русском языке паукальное число не выделяется как грамматическая категория, все же некоторые счетные формы русского языка также можно отнести к паукальному. Например, в русском языке есть счетная форма существительных, сочетаемая с числами 1,5 (*полтора*), 2 (*два*), 3 (*три*) и 4 (*четыре*), которая обычно совпадает с родительным падежом, но с некоторыми исключениями: *два шара* (но: объем шара), *три часа* (но: *не прошло и часа*), *четыре шага* (но: *на расстоянии шага*). Эта форма (происходящая от древнерусского двойственного числа) также может считаться выражением паукального числа.

За рамками представленных выше оппозиций (бинарных, тернарных и других) остаются группы слов, употребляющиеся в форме только одного из чисел. Следует отметить, что хотя число и является одной из стержневых категорий имени существительного, оно пронизывает всю номенклатуру частей речи. Кроме того, число часто выражается совместно с другими грамматическими категориями, например такими, как падеж, род (именной класс), определенность/неопределенность (в русском и др. славянских языках, латинском, древнегреческом, норвежском, языках банту и др.). В языках с разрушенной системой склонения (таких как французский или немецкий) показателем числа может становиться артикль (наряду с определенностью/неопределенностью и др. грамматическими значениями). Так, в

немецком языке для многих существительных лишь форма артикля отличает единственное число от множественного в косвенных падежах, ср. *der Bär* – «медведь» (именительный падеж единственного числа), *die Bären* – «медведи» (именительный падеж множественного числа), но: *des Bären* – «медведя» (родительный падеж единственного числа), *der Bären* (родительный падеж множественного числа), *dem Bären* – «медведю» (дательный падеж единственного числа), *den Bären* (дательный падеж множественного числа).

Из сказанного выше следует, что грамматическая категория числа по своему характеру оказывается различной в зависимости от типологических особенностей языков. Так, в языках синтетически-агглютинативного типа единственное число существительных выражается формой внешне совпадающей с основой. Множественное число чаще всего выражается путем присоединения к основе существительного определенного суффикса, за которым обычно следуют остальные формообразующие суффиксы существительных.

Для категории грамматического числа в языках данного типа характерна необязательность согласования в числе подлежащего и сказуемого.

Языкам же синтетически-флективного типа формальное выражение множественного числа при согласовании является обязательным, а не факультативным, как в языках синтетически-агглютинативного типа.

В языках синтетически-агглютинативного типа категория грамматического числа за некоторыми исключениями охватывает все лексико-грамматические разряды существительных, тогда как в языках синтетически-флективного типа значительное количество существительных (*Singularia tantum* и *Pluralia tantum*) находится вне сферы функционирования этой категории.

Семантическая категория числа представляет собой сложное многоплановое явление, находящее свое проявление на всех языковых уровнях и включает в себя противопоставленные категории единичности/множественности, собирательности/раздельности, исчисляемости/неисчисляемости и др. Следует отметить, что семантическая категория единичности и множественности не тождественна грамматической категории числа. Содержание мыслительной категории количества своеобразно отражается в семантике языка, а затем реализуется многообразными языковыми средствами, принадлежащими различным уровням языковой системы, образуя языковую категорию количества.

Естественный человеческий язык обладает способностью передавать различные аспекты и оттенки значения количества. Так, лексическое значение, возникшее по историческим данным раньше, чем грамматическое, является более конкретным, обладает способностью не только отражать противопоставление «один» – «более чем один», но и характеризовать некие индивидуальные черты и свойства денотата. Более того, оно может также передавать отношение человека к данному денотату, способность человека приписывать различным предметам и явлениям окружающей действительности определенные качества, связанные с тем, как человек воспри-

нимает данный, конкретный предмет, а через него и категорию единичности в целом. Другими словами, наряду со значением единичность/множественность в лексике отражается также и значение категории особенного, входящей в противопоставление единичного, особенного, всеобщего.

Вопрос о соотношении грамматической категории числа и понятийной категории количества до сих пор не исчерпан и представляет собой одну из важнейших проблем современной филологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
2. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания. 1970. № 1. – М.: «Наука». 1970
3. Мингазова Н.Г. Категория числа имен существительных в английском языке. Монография. – Казань: КФУ, 2012. – 103 с.
4. Мишанова, Ю.В. Категория числа имен существительных в русском и немецком языках // Общество. Личность. Культура: соц.-гуманит. исслед. : сб. науч. тр. / Фил. Санкт-Петербургского гос. инж.-экон. ун-та в г. Белгороде, Белгор. регион. отд-ния РАЕН и МООСДР "Мобилизация и развитие". – Белгород; СПб., 2007. – Вып. 5. – С. 534-543.
5. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 76-87.

ԱՇԽԱՐՀԻ ՄԱՐԴԱԿԵՆՏ ԲՈՆ ԵԿԱՐԻ ԱՐՏԱՅ ՈՒ ՌԻՍԸ ԹՎԻ Հ ԱՄՍԿԱՐԳՈՒՄ

Ք. Հ. ՄՈՒՐԱՅԱՆ

Ֆիզիկական կուլտուրայի և սպորտի հայկական պետական ինստիտուտ

Շատ տասնամյակներ շարունակ թվի համակարգը ոչ միայն մաթեմատիկոսների (ինչը միանգամայն բնական է թվում), այլև փիլիսոփաների և լեզվաբանների ուշադրության կենտրոնում է: Թվի քերականական համակարգը միայն առաջին հայացքից բավականին թափանցիկ է թվում: Այս համակարգի առավել մանրակրկիտ քննարկման դեպքում առավել բնորոշ գործոնների պարզագույն վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ քերականական թվի իրական տարբերությունների զուգահեռականությունը համապատասխան քերական երևույթների զգալիորեն խախտվում է: Քանակի քերականական համակարգը և հասկացությունների հարաբերակցության հարցը դեռևս սպառնալից չէ և ժամանակակից բանասիրական գիտության կարևորագույն խնդիրներից մեկն է:

Հիմնաբաներ. Թվի քերականական կարգ, տիպաբանական առանձնահատկություններ, քերականական կարգ, իմաստաբանական կարգ, թվի հասկացությունը տարբեր լեզուներում:

REFLECTION OF THE ANTHROPOCENTRIC PICTURE OF THE WORLD IN THE NUMBER CATEGORY

K. H. MURADYAN

Armenian State Institute of Physical Culture and Sport

The number category has been the focus of attention for many decades not only by mathematicians (which seems quite natural), but also by philosophers and linguists. The grammatical category of a number is only at first glance quite transparent. When this category is considered more carefully, the simplest analysis of the most typical factors shows that the parallelism of real differences in number and corresponding grammatical phenomena is significantly violated. The question of the relationship between the grammatical category of number and the conceptual category of quantity has not yet been exhausted and is one of the most important problems of modern philological science.

Keywords: number category, typological features, grammatical category, semantic category, number concept in different languages.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 мая 2018 г., подписана к печати в № 1 (112) 2020 27.12.2018.